

— Это совершенно новый взглядъ, съ спокойной улыбкой сказалъ Игнатій Никифоровичъ. — Обыкновенно суду приписывается нѣсколько другое значеніе.

— „Да именно, новая точка зрѣнія,—отдѣлилось вдругъ два—три голоса изъ компаніи,—мы думали, что въ правотѣ, милости и т. п. должна быть цѣль нашихъ судовъ,—по Толстому оказывается, что суды имѣютъ свою исключительную цѣль—цѣль поддержанія сословныхъ интересовъ. „То есть, какъ же это такъ выходитъ?“—подумаетъ читатель. „А очень просто, отвѣчаетъ Толстой, суды „казнять“ тѣхъ, которые стоятъ выше общественнаго уровня и хотятъ поднять его“. Да вѣдь такихъ идейныхъ преступниковъ немного, которые, если согласиться съ вами, угрожаютъ подорвать сословные интересы,—скажетъ читатель,—большинство крадутъ, убиваютъ безъ всякой идеи, не причиняя ни малѣйшаго вреда сословности: кромѣ вреда той темной массѣ, изъ которой они вышли и гдѣ совершаютъ свои преступления. Послѣднихъ опять „казнить“ судъ, чѣмъ и выражаетъ свое безпристрастіе, свою законную правду.

— Нѣтъ, не казнить нужно этихъ несчастныхъ людей, сказалъ блѣднолицый господинъ,—а просвѣщать,—нужно просвѣтить массу, чтобы предупредить преступления.

— Это *ваше* мнѣніе?—Но не забывайте, что Толстой не раздѣляетъ такихъ мнѣній: ко всякимъ преобразованіямъ, въ томъ числѣ и тюремъ, онъ относится отрицательно. „Нельзя исправить недостатки судовъ, возвышая голосъ, говорилъ Нехлюдовъ“,—читаемъ въ романѣ.

— Такъ что-жь? надо убивать или, какъ одинъ государственный человѣкъ предлагалъ, выкалывать глаза?

— *Да это было бы жестоко, но цѣлесообразно.* То же, что теперь дѣлается, и жестоко, и не цѣлесообразно.

— Позвольте однако замѣтить,—сказалъ Игнатій Ивановичъ,—если цѣль судовъ—поддержаніе сословныхъ интересовъ, и если судами послѣдніе, дѣйствительно, поддерживаются, то цѣль достигнута. Толстому здѣсь не мѣшало бы сдѣлать оговорку, что онъ думаетъ по поводу цѣлесообразности вообще и въ частности судовъ.

— Толстой не дѣлаетъ оговорки потому, конечно,—сказалъ блѣднолицый господинъ,—что онъ вѣдь не философскій